

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

© 2021 г. В. Кувалдин

КУВАЛДИН Виктор Борисович, доктор исторических наук, профессор,
МГУ им. М.В. Ломоносова, РФ, 119991 Москва, Ленинские Горы, 1, стр. 61 (vkuvaldin@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 26.05.2020.

История сложных, противоречивых взаимоотношений глобализации и национальных государств насчитывает несколько веков. Это стержень мировой истории Нового и Новейшего времени. За последние два столетия были сформированы две сменявшие друг друга модели глобального мира, либерально-колониальная и неолиберальная. Крах либерально-колониальной модели породил мировые катаклизмы, стал причиной огромных материальных разрушений и потери многих миллионов человеческих жизней. В активе неолиберальной модели целый ряд исторических достижений, но со временем она стала все более ясно обнаруживать свои многочисленные изъяны. В 2010-е годы экономическая, социальная и политическая практика неолиберализма вступила в кризисную полосу, своеобразной кульминацией которой стала пандемия *COVID-19*. То, каким выйдет мир из нее, во многом зависит от позиций национальных и глобальных элит.

Ключевые слова: глобализация, национальное государство, протоглобализация, глобальный мир-1, глобальный мир-2, глобальная власть, глобальная элита, деглобализация.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-5-13

Глобализация и национальное государство – комплексные, многогранные понятия. Это идеологии, политические проекты, культурные идеалы, средоточия огромных материальных интересов. Их сложное взаимодействие, в котором переплетаются углубляющееся сотрудничество и обостряющееся противостояние, во многом определяет динамику современного мира [1, 2, 3, 4]. В данном случае нас прежде всего интересует идейно-политическая ипостась происходящего.

За каждым из этих понятий стоят фундаментальные преобразования в формах человеческого общежития, составлявшие суть исторического процесса последних пяти веков, Нового и Новейшего времени: формирование национальных государств и становление глобального мира. Долгое время они развивались параллельно, нередко способствуя оформлению друг друга. Но время от времени между ними вспыхивают острые коллизии.

ПРОТОГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Пять столетий подряд, с XVI по XX в., естественной лабораторией этих процессов служила европейская цивилизация, совершившая настоящий исторический прорыв и превратившаяся в мирового гегемона. Относительно небольшой, компактный Западноевропейский регион стал средоточием пионерского поиска и вершителем судеб человеческой ойкумены.

Первоначально, в течение трех столетий (XVI–XVIII) на первом плане было формирование жиз-

неспособных наций-государств. Из феодальной вольницы выкристаллизовались прообразы современных государственных образований. Порядок должен был быть именно таким, для строительства глобального мира необходим более или менее прочный фундамент национальной государственности. Наиболее передовые нации-государства стали мотором, запустившим процесс глобализации.

В XVI–XVIII вв. параллельно со становлением национальных государств появляются элементы другой, гораздо более масштабной конструкции – глобального мира. Идет “нулевой цикл”, **протоглобализация**. Тордесильяский договор (1494 г.) поделил существовавшее тогда в представлениях европейцев мировое пространство между двумя первопроходцами глобальной экспансии европейской цивилизации – Испанией и Португалией. Последовавшая эпоха Великих географических открытий позволила детям старого континента нарисовать более или менее адекватную картину мира, заложить во всех пределах форпосты европейской цивилизации.

Возрождение восстанавливает в правах в европейском сознании земное бытие человека. Реформация подрывает монополию церковной иерархии на Истину в конечной инстанции. Век Просвещения дает мощную подпитку светскому рационализму. Пытливый разум обитателей Старого Света постоянно движет вперед научное познание и технический прогресс. Создаются новые технологии, готовится промышленный переворот, революционизируется производство.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ-1

Появление железных дорог и паровых судов положило конец изолированному существованию мириад замкнутых и самодостаточных сельских общин, жизнь в которых мало менялась на протяжении веков. Уходит в прошлое иерархически выстроенный, освященный церковным авторитетом сельский мир с его жестко заданными социальными ролями. Рождается секуляризованная, высоко-мобильная, густо опутанная сетями коммуникаций городская цивилизация.

Моря и океаны из труднопреодолимых препятствий превращаются в хайвеи, связывающие народы и цивилизации. В новой системе международных коммуникаций особая роль принадлежит Атлантике, накрепко соединившей Старый и Новый Свет. Становление трансатлантических рынков придает мощное ускорение развитию мирохозяйственных связей.

В XIX в. глобализм и национализм идут рука об руку, во многом дополняя и подкрепляя друг друга. И тот и другой предстают в новом обличье. Глобализм от создания предпосылок переходит к активному созиданию глобального мира, **глобализации-1**. Национализм из орудия верховной власти, предназначенного для установления абсолютистских режимов, превращается в массовую идеологию с большим демократическим потенциалом, позамышленным из арсенала Великой французской революции конца XVIII в.

У каждого – своя зона ответственности, своя повестка дня. Стихия национализма – государственное строительство. Отстающих он вдохновляет на создание своих, независимых наций-государств (Италия, Германия, балканские страны). Передовикам помогает сохранить стабильность в эпоху перемен. Дело в том, что явный подрыв скреплявших общество традиционных социальных структур и систем ценностей под воздействием быстрой модернизации создавал опасный вакуум, породил страхи, что на смену цивилизованным нормам человеческого общежития придет “закон джунглей”. Образующиеся пустоты споро заполнял национализм, призванный как-то скрепить расшатанные европейские социумы. В дальнейшем он зарекомендовал себя мощным орудием социально-политической мобилизации, универсальной опорой национального государства.

Глобализм XIX века – проекция либерального мировоззрения передовых сообществ на внешний мир, идеология промышленников, аграриев, финансистов, которым становится тесновато в национальных пределах. Он сфокусирован на хозяйственной деятельности, на его знаменах начертано “Свобода предпринимательству!”, подразумеваю-

щая прежде всего снятие преград и ограничений на пути развития международных торгово-экономических связей. И действительно, мировая торговля, вывоз капитала, трансграничные миграционные потоки растут по экспоненте.

Глобализм XIX в. освящает колониальную эпопею могучей кучки западноевропейских наций. В его идеализированной картине мира речь идет о том, чтобы модернизировать “туземные сообщества”, приобщить их к достижениям передового отряда человечества, цивилизовать неевропейский мир.

В своей основе империи были продуктом промышленной революции, обеспечившей Европе решающее преимущество в технологиях и вооружениях. Европа стала локомотивом мирового производства и торговли. Революция в медицине, новейшее снаряжение дали возможность исследователям проникнуть вглубь Африканского континента, а христианским проповедникам – организовать миссии в тропиках. Сочетая различные методы – экономическое закабаление, политическое принуждение, военное порабощение, – Западная Европа быстро утверждалась в мировом пространстве. К 1914 г. Европа так или иначе контролировала его большую часть.

Всепроникающий европейский колониализм создал особый облик **глобального мира-1**. Это кентавр, парадоксальное сочетание либеральных западноевропейских метрополий и колониальной периферии. Соответственно, по определению – это ограниченный набор иерархических, вертикально интегрированных структур. Другими словами, на глобальном поле действует несколько ключевых игроков в лице наиболее сильных государств. Одно из них (Великобритания) вырывается в лидеры.

Только сочетание экономической глобализации с политической централизацией создает глобальный мир. Его отличительной характеристикой, фирменным знаком является формирование **системы глобальной власти**. Ее основные компоненты: национальные государства, наиболее крупные и влиятельные хозяйствующие субъекты, межгосударственные глобальные институты, а в последние десятилетия – формирующиеся элементы глобального гражданского общества (*Greenpeace, Human Rights Watch*). Они вступают в сложные сетевые взаимоотношения друг с другом, в процессе которых идет постоянное распределение и перераспределение властных полномочий.

На высшем уровне глобальной власти ключевую роль играют национальные государства, в первую очередь супердержавы, великие и региональные державы. Их особая роль базируется на том основании, что они и только они обладают политической легитимностью, подтвержденной народным голосованием. Наиболее отчетливо она проявляется

ся в периоды великих потрясений, таких как мировые войны, глобальные экономические кризисы, природные катастрофы, пандемии. Национальные государства также поддерживают устойчивость миропорядка в условиях кризиса глобального мира, перехода от одной его модели к другой [5].

В принципе соединенная мощь национализма и глобализма способна творить чудеса. Так, феноменальные достижения человеческой цивилизации в XIX в. во многом обусловлены комбинированным воздействием ударного нацстроительства и интенсивного формирования первой модели глобального мира. То и другое сошлось в одной точке, относительно небольшом островном государстве на северо-западе Европы — Великобритании. Англия — родина промышленного переворота, первая индустриальная нация мира, колыбель парламентской демократии, знаменосец либерализма и воплощение правопорядка. В то же время гордая Британия — владычица морей, полновластная распорядительница супервалюты, опирающейся на золотой стандарт, хозяйка империи, над которой никогда не заходит солнце.

В мировом пространстве мощь Великобритании подкрепляется быстрой и успешной модернизацией передового отряда западноевропейских наций-государств. Его ряды пополняются двумя новыми сильными игроками — Германией и Италией. На ограниченной территории дальнего Запада Евразии создается уникальный генератор мировой динамики, впервые в истории позволяющий человечеству оформиться как более или менее целостный организм.

Как отмечено выше, в этом организме ключевую роль играет связка Старого и Нового Света. Благодаря новым технологиям, революционизировавшим мировое хозяйство (пароходы и паровозы, телеграф, электроэнергетика, нефтедобыча, промышленная химия, двигатель внутреннего сгорания, доменная металлургия и сталелитейное дело и т. д.), бурно развиваются трансатлантические рынки. Финансовые потоки, торговые обмены, великое переселение народов в Западное полушарие превращают Европу и ее заокеанских отпрысков в единое поле хозяйственной деятельности. Связи западноевропейцев с их огромными колониальными владениями носят скорее административный характер, но они настолько сильны, что кажутся вечными. А бескрайние просторы в центре, на востоке и юге Евразии прочно контролируют три великие континентальные империи: Австро-Венгерская, Российская и Османская. Никогда до этого мир не был столь плотно сколоченной конструкцией, ключи от которой находятся в руках десятка правительств.

Летом рокового 1914 г. эта конструкция в мгновение ока с оглушительным треском развалилась на куски. Почему на пике успехов и достижений

европейская цивилизация собственноручно уничтожила свое уникальное творение всемирно-исторического значения и заодно совершила акт коллективного самоубийства?

Самый короткий и простой ответ: фатально разошлись пути наших героев, национализм взял верх над глобализмом. Своя рубашка оказалась ближе к телу, хотя она быстро покрылась грязью и пропиталась кровью. Близоруко эгоистичные расчеты и интересы национальных элит перевесили все стратегические выгоды глобального мира.

В анализе причин возникновения Первой мировой войны в центре внимания историков всегда было противостояние Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия, создан в 1882 г.) и Тройственного соглашения, более известного под именем Антанта (Великобритания, Франция, Россия, оформлена в 1907 г.). Особое место отводится ожесточенному военно-стратегическому соперничеству двух ключевых игроков — Англии и Германии.

Несомненно, что здесь пружина интриги. В то же время, глядя в прошлое сегодня, из начала следующего века, мы можем попытаться нарисовать более объемную картину, полнее оценить значение тех аспектов происходившего, которые долгое время оставались на заднем плане.

Для человечества вселенская катастрофа 1914 г. была громом среди ясного неба. Тем более страшным и неожиданным, что в Европе после франко-прусской войны (1870—1871 гг.) царил долгий мир. Но для вдумчивого наблюдателя вселенская бойня не была такой уж неожиданностью. Серьезные вызовы и угрозы процессу глобализации обозначились задолго до августа 1914 г.

Начало XX в. отмечено чередой циклических кризисов (1900—1903, 1906—1907, 1910—1913 гг.). Порожденные спекулятивными сделками на финансовых рынках, они по банковским и торговым каналам распространялись на всю экономику. Экономисты склонны объяснять это тем, что крупные европейские народнохозяйственные комплексы еще не полностью оправались от мощных ударов затяжной депрессии 1873—1895 гг. Но возможна и иная трактовка. А именно: весь наспех сколоченный каркас глобального мира-1 испытывал недопустимые перегрузки.

По мере того как век двигался к концу, все громче и настойчивее звучали голоса противников глобализации. Многие себя чувствовали обойденными и обделенными на европейском празднике жизни. Атака на глобальные системы и практики развивалась по двум основным линиям: защита “отечественного производителя” от недобросовестной иностранной конкуренции и ограничение допуска чужаков в родные пенаты.

Важнейшим структурным изъяном всей глобализации-1 была относительная слабость гегемона. Надо сказать, что Великобритания вообще не очень подходила на эту уникальную роль — сравнительно небольшой остров на северо-западной периферии Европейского континента с довольно ограниченными природными ресурсами. Перед началом Первой мировой войны Англия заметно уступала другим грандам европейской политики (России, Германии, Австро-Венгрии) по численности населения, что в условиях всеобщей мобилизации имело немалое значение. Она давно утратила положение экономического лидера индустриального мира (1845—1875 гг.). По объему производства ее уверенно обошли сначала Соединенные Штаты, потом Германия. Их промышленность была оснащена более современным оборудованием, их методы организации труда — более эффективны. Великобритания оставалась первой по удельному весу в мировой торговле, но ее доля неуклонно сокращалась.

Невысокую боеспособность английской армии показала вторая англо-бурская война (1899—1902 гг.). Англичане задействовали в ней треть своих вооруженных сил, мобилизовали подкрепления из колоний, применяли тактику выжженной земли. Несмотря на подавляющее превосходство в живой силе и вооружениях, им потребовалось долгих три года, чтобы сломить упорное сопротивление нерегулярных отрядов потомков голландских переселенцев на юге Африканского континента. В то же время германская армия была больше, лучше обучена, отлично вооружена, располагала первоклассным офицерским корпусом.

Среди наиболее ценных активов англичан можно выделить господство в мировых финансах, огромную колониальную империю, не знавшую себе равных в истории, и самый мощный в мире флот, как военный, так и коммерческий. Конечно, с такими козырями можно вести большую игру, но успех был отнюдь не гарантирован.

Выделяемый историками “короткий XX век” (1914—1991 гг.) стал как раз периодом сурового перехода от одной модели глобального мира к другой, от глобального мира-1 к глобальному миру-2 [6, 7, 8, 9]. За крушение глобального мира-1 человечество заплатило сполна. Войны, революции и контрреволюции, массовые репрессии и геноцид, Великие кризис и депрессия 1930-х годов, “испанка” и голод принесли неисчислимые страдания, загубили многие миллионы человеческих жизней. В XX в. историки насчитали 187 млн “мегасмертей”, вызванных привходящими обстоятельствами [7, р. 12]. Основной блок “мегасмертей” приходится на первую половину века.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ-2

Едва осела пыль разбитого вдребезги каркаса глобального мира-1, начинается новый цикл процесса глобализации, строительство глобального мира-2. Правда, у **глобализации-2** было странное начало. Настолько странное, что оно казалось скорее продолжением самоубийственной логики первой половины века-разрушителя, а не созданием чего-то принципиально нового. Во многом так оно и было, но в старых мехах бродило новое вино [10].

Холодную войну трактуют как непримиримое глобальное противостояние двух общественно-политических систем. Это верно, если уделить должное внимание определению “глобальное”. В отличие от ожесточенного соперничества великих держав, приведшего к крушению глобального мира-1, здесь действуют другие, куда более масштабные величины. В виде двух противостоящих военно-политических союзов оформляются две соперничающие модели глобального мира, каждая из которых подает себя прообразом будущего.

В глобализации-2 еще более ярка и отчетлива роль национальных государств. Это кровное дело двух супердержав — победительниц во Второй мировой войне, привилегия двух столиц, Москвы и Вашингтона. Остальные могут поучаствовать, но не в силах принимать основные решения.

Общую стройность картины несколько нарушает присутствие большой группы неприсоединившихся государств, среди которых есть значительные величины (Китай, Индия, Индонезия). Но сам статус “неприсоединившихся” означает, что они скорее наблюдатели, чем участники “большой игры”.

В отличие от первой половины века ее исход решался не на полях сражений — там она закончилась вничью, — а в мирном соревновании двух моделей жизнеустройства. Здесь государственный социализм советского образца показал себя тупиковой ветвью развития, мало приспособленной для решения сложнейших проблем современного общества. После крушения СССР на опустевшей арене схватки титанов Соединенные Штаты остались в гордом одиночестве.

Исчерпав свой разрушительный потенциал, кровавый XX в. завершился парадоксально спокойным финалом холодной войны, породившим иллюзии “конца истории” [11]. Как бы опомнившись и наверстывая упущенное, человечество с удвоенной энергией продолжило строительство второй модели глобального мира по, казалось, единственному верному американскому образцу. За два первых десятилетия после окончания холодной войны оно сильно продвинулось в этом направлении. В отличие от своей исторической предшественницы глобализация-2 стала действительно глобальной, ее

объект – все мировое пространство, все живущие на Земле [12, 13, 14, 15, 16, 17]. Есть, правда, исключения, но это экзотика.

Таким образом, впервые в мировой истории человечество – по крайней мере, в хозяйственном отношении – живет в более или менее целостном, глобальном мире [18, 19]. По сопоставимым показателям – мировая финансовая система, международная торговля, трансграничная миграция – глобализация-2 оставила позади свою историческую предшественницу. У нее появились принципиально новые субъекты и характеристики, такие как ТНК, транснациональные производственные (стоимостные) цепочки, общемировые системы регулирования. Ряд общезначимых норм (природоохранное законодательство, гуманитарная проблематика) получили – пусть в ряде случаев формально – универсальное признание. Мировое сообщество цементирует целый сонм макрорегиональных и глобальных институтов [20].

Глобализация-2 затронула все основные сферы человеческой деятельности, сплошь и рядом вторгаясь в компетенцию национальных государств. Мировые рынки капиталов, товаров, услуг, рабочей силы создают общие рамки, в которых вынуждены действовать народнохозяйственные комплексы. Страна-гегемон проецирует свое влияние на национальные политики, а то и прямо воздействует на внутривнутриполитические процессы. Уровень и образ жизни передовых обществ становится образцом для подражания менее развитым социумам. Культурные нормы государств-лидеров оформляются в качестве универсальных.

Глобализация трансформирует всю систему сложившихся интересов сверху донизу. Чем дальше она продвигается вперед, тем глубже эти трансформации. Глобальный мир адаптирует “под себя” сложившиеся формы жизнедеятельности.

Знаменосцем глобализации выступает глобальная элита, кровно заинтересованная в продолжении и углублении процесса. Здесь верхушка айсберга – 3 тыс. человек, ежегодно собирающихся на январские форумы в Давосе (Швейцария). “Партия Давоса” опирается на куда более многочисленные группировки транснациональной элиты, задействованные во всех сферах жизни современного общества, прежде всего в экономике. Они прямо или косвенно выражают интересы довольно широких слоев, которые выигрывают от глобализации и неплохо вписались в глобальный мир.

Священным писанием глобализации-2 стала идеология неолиберализма. Генетически она перекликается с либеральной идеологией XIX в., но ее центр тяжести смещен из политико-правовой сферы в область социально-экономических отношений. Ее разработка и практическое применение

были реакцией на зашедшее слишком далеко строительство государства “всеобщего благоденствия”, приведшее к структурному кризису 1970-х годов с характерной для него стагнацией. Наряду с перераспределением национального дохода в пользу капитала важнейшей характеристикой неолиберальной стратегии было форсированное развитие глобализационных процессов, снимающее препоны и ограничения на пути развития транснациональной предпринимательской деятельности.

Ударной силой неолиберальной глобализации вновь выступили англосаксы. На этот раз главную роль взяли на себя американцы, а многоопытные британцы умело подыгрывали своему заматеревшему отпрыску. В практической политике эта связка оформилась в виде тандема президента Р. Рейгана (1981–1989 гг.) и премьерера М. Тэтчер (1979–1990 гг.).

Творцы глобализации-2 оказались в нужный момент в нужном месте. В мире после холодной войны, где единственной супердержавой остались Соединенные Штаты Америки, они получили такую свободу рук, о которой не могли мечтать их предшественники. В качестве важнейшего инструмента они использовали такие влиятельные глобальные институты, как Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ), Всемирная торговая организация (ВТО), проводившие политику “структурной адаптации” мирового хозяйственного пространства под нужды транснационального капитала на базе “Вашингтонского консенсуса”.

В роли мирового гегемона Соединенные Штаты – конечно, не чета Великобритании. По всем параметрам национальной мощи они намного превосходят свою предшественницу. Более того, никогда со времен Римской империи ни одно государство не играло столь значительной роли в мировой истории, как США в течение двух десятилетий после окончания холодной войны. Она была так велика, что глобализацию-2 стали все больше трактовать как американизацию мира. Тогда это звучало довольно правдоподобно: правительство США действовало по своему усмотрению, ни на кого не оглядываясь. Оно во многом подменило собой и глобальные институты, используя их как инструменты удаленного доступа.

И все-таки глобализация слишком своенравна, чтобы подчиниться воле даже самого могущественного гегемона. 2010-е годы убедительно показали, что все гораздо сложнее. Мировое общество двигалось своей дорогой, мало похожей на “американизацию”.

С самого начала неолиберальная глобализация породила жаркие споры, отношение к ней было и остается неоднозначным [21, 22, 23]. Вовсе не будучи ее апологетом, автор должен признать,

что в ее активе есть очень серьезные достижения. Высокие темпы роста мирового ВВП, быстрая модернизация нескольких десятков развивающихся стран, выход многих сотен миллионов людей из хронической бедности и нищеты, формирование глобального среднего класса, рост средней продолжительности жизни более чем на 10 лет кардинально изменили лицо современного мира.

Однако со временем все более ясно обнаруживались структурные пороки глобализации-2. Само собой разумеется, что также, как в глобализации-1, в современном мире наряду с выигравшими есть и проигравшие. Проблема в том, что с каждым годом их становилось все больше, пока не накопилась критическая масса. Их сильнейшим оружием стало национальное государство.

Из двухвековой истории прорывов и срывов глобализации мы знаем, что неприятие ее общего хода и основной направленности одной или несколькими великими державами делает дальнейшее развитие весьма проблематичным. Так же, как и ранее, глобализация-2 может успешно развиваться только до тех пор, пока глобальные процессы и ведущие страны идут в одном направлении. Однако сегодня, как и на рубеже XIX–XX вв., они все больше движутся в разные стороны.

С точки зрения политической динамики здесь особенно важно начавшееся отторжение глобального проекта многими — и среди элит, и в массовых слоях населения — в самой его сердцевине, в англосаксонском мире. Гримаса истории: англосаксы, вчерашние знаменосцы глобализации, вдруг круто развернулись против нее. Крестные отцы пробуют себя в роли могильщиков.

КРИЗИС ГЛОБАЛЬНОГО МИРА-2

Трещины в глобальном мире пошли после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Динамика и турбулентность последнего десятилетия превратили некоторые из них в опасные разломы, угрожающие нормальному функционированию и даже жизнеспособности всей системы в целом. На горизонте замаячила явная угроза деглобализации и связанных с ней масштабных потрясений.

2020-й, последний год переломного десятилетия, стал моментом истины для второго издания глобального мира. В мировом сообществе роль законодателя, судьи и шерифа самочинно взял на себя незримый пришелец из внешней среды, до толе, казалось бы, вполне подвластной человеку. И сразу все расставил по местам, а точнее, смешал все фигуры на доске. Да так, что неизвестно, кому и как их расставлять заново.

Пока ясно только одно: глобальный мир провалил тест *COVID-19*. Невидимый вирус выявил его основной порок — неадекватность существующего миропорядка глобальным вызовам. Ни национальные правительства, ни глобальные институты не смогли противостоять не бог весть какому страшному противнику. Существующий механизм решения глобальных проблем своекорыстными группировками транснациональных элит показал свою несостоятельность. Ограниченная по масштабам и силе воздействия пандемия вызвала массовую панику, ввела в ступор мировую экономику, вынудила правительства принимать драконовские меры, которых свет не видел после окончания Второй мировой войны.

Дело, конечно, не в вирусе как таковом, сколь зловредным он бы ни был сам по себе. Дело в состоянии мирового сообщества, в глубоком и, возможно, необратимом кризисе модели неolibеральной глобализации, под знаком которой мир развивался в течение четырех последних десятилетий. Накопилась критическая масса проблем, которые блокируют движение вперед и угрожают цивилизационным срывом. Во всех сферах общественного бытия — отношения человека с природой, мировое хозяйство, политсистемы, социальные взаимодействия, культурные образцы и нормы поведения, рисунок идентичностей, международные отношения — мигают красные сигналы тревоги. Все эти кризисы переплетаются, подпитывают и усиливают друг друга, создавая выразительную картину общего неблагополучия. Конечно, были серьезные отягчающие обстоятельства (*COVID-19*, деглобализационный настрой американской администрации, временная (само)изоляция делового Китая, угроза надвигающегося циклического кризиса хозяйственной конъюнктуры, раздраз в стане поставщиков нефти на мировые рынки, биржевая паника), но они лишь подлили масла в огонь.

Мир “завис” в опасном состоянии забуксовавшего глобального проекта; продолжать движение по намеченному маршруту трудно и опасно, а альтернативно надежных путей временного отступления и перегруппировки сил нет. Даже пробивающиеся пока довольно слабые деглобализационные тенденции не разряжают, а усугубляют кризисную ситуацию, в которой все мы находимся [24].

COVID-19 сильно ухудшил существовавшее и до него тревожное состояние дел в мире большой политики. Как справедливо отмечает один из ведущих отечественных международников, член-корреспондент РАН А.А. Громыко: “Судя по всему, общая беда не приведет к смягчению геополитических разногласий, но обострит их... главное поле напряжения в мире по-прежнему проходит между США и Китаем” [25, с. 10].

Сегодняшний мир более всего нуждается в тщательной диагностике его состояния, установлении фундаментальных причин системного кризиса, поиске новаторских решений. Здесь первая и главная проблема состоит в том, что пока не видно, кто бы мог взяться за это предприятие. Налицо кризис глобальной гегемонии, глобальной элиты, и относительная слабость противостоящих ей контрэлит. Образовался зияющий “зазор” между масштабами задач глобального мироустройства и потенциалом общественно-политических сил, которые, вроде бы, призваны их решать.

Наиболее очевидно это на примере англосаксонской элиты. Как мы видели, у англосаксов с глобализацией совершенно особые отношения. Обе версии глобального мира — дело их рук. Британия была пионером глобального мироустройства и держалась на властном Олимпе долго после того, как пик ее могущества остался позади. Америка приняла эстафету из ее рук и создала новую модель глобального мира, которая по охвату и эффективности намного превосходила свою предшественницу.

Важнейшей характеристикой и той, и другой модели было то, что в системе управления глобальными процессами ключевую роль играли национально-ограниченные инструменты соответственно британской короны и американского президентства. Поэтому жизненно необходимое создание глобальных институтов сильно отставало от объективных процессов глобализации мирового сообщества.

Будучи самым крупным и влиятельным компонентом глобальной элиты, англосаксы располагают уникальными возможностями воздействия на мировые дела. Но сегодня, похоже, они не могут даже толком контролировать ситуацию у себя дома (избрание Трампа, Брекзит), не говоря уж о происходящем на мировых просторах. Возможно, им трудно критически оценить себя, собственный опыт, чтобы попытаться распутать гордые узлы неолиберальной глобализации.

У других системных игроков просто нет достаточно серьезных ресурсов для решения задач такого уровня. А сложение усилий им дается с большим трудом и в очень ограниченном диапазоне. К тому же наиболее сильный из них — китайский дракон — летает сам по себе.

Вот так мы оказались без руля и ветрил во власти идеального шторма. Сегодня существует настоятельная необходимость объединения усилий ключевых игроков для совместного преодоления завалов и препятствий, расшивки узких мест, обхода подводных камней. Будут ли нынешние потрясения достаточно убедительным аргументом для основательной коррекции или даже выработки принципиально новой стратегии глобализации?

Можно ли будет на этой основе консолидировать наиболее влиятельные группировки мировой элиты на таких площадках, как ООН, “двадцатка”, Давосский форум, другие глобальные институты? Вряд ли сегодня кто-то в состоянии ответить на подобные вопросы.

Какой вывод можно сделать из длительной истории непростых взаимоотношений между глобализацией и национальным государством? Первый и главный: не надо противопоставлять их и полагать, что мировые проблемы можно решить, акцентируя одно за счет другого. Это рецепт катастрофы, которую мир пережил столетие назад. Сегодня нужно укреплять и то, и другое. Современный мир требует сильных национальных государств и эффективных глобальных институтов. Нужна модернизация всей архитектуры международных отношений, в результате которой будет найден новый *modus vivendi* национальных интересов и глобальных императивов.

Насколько реалистична подобная перспектива? На первый взгляд это кажется маниловщиной, благими пожеланиями, не имеющими ничего общего с суровыми реалиями современного мира. Но ведь речь идет о коренных интересах всех живущих на Земле, возможно, о выживании человечества, в том числе самих национальных и глобальных элит.

Когда пандемия останется позади, сильным мира сего так или иначе придется формулировать свои позиции в отношении перспектив глобализации, глобального мира, глобальных институтов. Трудно не согласиться с авторами пионерского исследования на эту тему, когда они пишут во введении: “Будет ли существовать глобальное управление, в какой степени, на каких условиях и с какими последствиями — все это в значительной степени зависит от позиций элит” [26, с. 8].

Эти позиции далеко не однозначны: нет ни активной поддержки, ни явного противодействия дальнейшему развитию систем транспланетарного регулирования глобальных процессов [26, сс. 27-28]. В этой неопределенности авторы усматривают и возможность позитивного сдвига в отношении властвующих элит к дальнейшему оформлению глобального мира. Общий итог своей работы они подводят следующим образом: “Полученные факты противоречат распространенным в некоторых средствах массовой информации представлениям о том, что элиты якобы отвернулись от глобализации. Данные о доверии элит к глобальному управлению также не свидетельствуют о вероятном снижении регулирования на наднациональном уровне. Напротив, общее отношение элит могло бы стать более положительным к процессу расширения глобального управления, если бы некоторые из его практик были изменены и улучшены” [26, с. 42, см. также с. 34].

Правда, в отличие от авторов этого новаторского труда мы полагаем, что для действительно значимой коррекции позиций национальных истеблишментов в отношении перспектив общепланетарного сотрудничества будет недостаточно укрепления демократических основ и повышения эффективности существующих институтов глобального управления (регулирующего). Здесь нужно нечто более фундаментальное, чем отладка действующих механизмов.

Поиск неконфронтационного выхода из системного кризиса неолиберальной глобализации, новых сопряжений национального и глобального вряд ли будет плодотворным без внутренней готовности ключевых игроков к “историческому компромиссу”. Его предметное содержание широко и многообразно: приоритетные направления, формы и темпы дальнейшего продвижения к глобальному миру, взаимоотношения частнопредпринимательского и государственного капитализма, экономическая эффективность и социальная справедливость, глобальные системы управления и национальный суверенитет, неформальное лидерство и формальное равенство суверенов и т. д.

В сумме это означает новую политическую философию мирового общежития, которой мы должны руководствоваться. Философию с упором на сотрудничество, а не ожесточенное соперничество.

Можно предположить, что в элитарной среде присутствует более или менее отчетливое ощущение того, что фундаментальные проблемы миропорядка вновь стоят в повестке дня. Только выводы из этой констатации можно делать разные. Да и времени для этого потребуется немало.

* * *

Неолиберальная глобализация не уделяла должного внимания реальности национальных государств. И натолкнулась на жесткое противодействие в самом неожиданном месте. Она вынуждена была притормозить свое триумфальное шествие по планете, кое в чем дать задний ход. Это “выяснение отношений” не на пользу ни глобальному миру, ни — по большому счету — национальным государствам.

Сегодня мы наблюдаем обратный феномен: “ренационализацию” мировой политики и — в определенной мере — мировой экономики. Его последствия могут быть еще более серьезными. Глобальный мир, даже в той, весьма несовершенной форме, в которой он существует ныне, — величайшее достижение человечества. И якорь спасения одновременно. Любые попытки возвращения в мир национальных государств — игра с огнем. Незримый *COVID-19* властно напомнил нам всем, что мы скованы одной цепью. И судьба у нас общая, хотим мы того или нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Шишков Ю. Государство в эпоху глобализации. *Мировая экономика и международные отношения*, 2010, № 1, сс. 3-13. [Shishkov Yu. Gosudarstvo v epokhu globalizatsii [The State in the Era of Globalization]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2010, no. 1, pp. 3-13.]
2. Кочетков А.П. Национальное государство в условиях глобализации. *Полис. Политические исследования*, 2014, № 4, сс. 63-75. [Kochetkov A.P. Natsional'noe gosudarstvo v usloviyakh globalizatsii [Nation-State in the Context of Globalization]. *Polis. Political Studies*, 2014, no. 4, pp. 63-65.]
3. Щеглова Д.В. Национальные государства в условиях глобализации. Вымирание или возрождение. *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*, 2015, № 4 (232), сс. 9-13. [Shcheglova D.V. Natsional'nye gosudarstva v usloviyakh globalizatsii. Vymiranie ili vozrozhdenie [Nation-States in the Context of Globalization. Extinction or Rebirth]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2015, no. 4 (232), pp. 9-13.]
4. Холодковский К. Глобализация vs национальное государство — попятное движение? *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 12, сс. 5-14. [Kholodkovskii K. Globalizatsiya vs natsional'noe gosudarstvo — popyatnoe dvizhenie? [Globalization vs Nation State: the Retrogradation?] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no. 12, pp. 5-14.] DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-5-14
5. Кувалдин В. Западноцентристский миропорядок: вторая проверка на прочность. *Страны и регионы в мировой политике. Учебник в 2-х томах*. Печатнов В.О., Стрельцов Д.В., ред. Москва, Аспект Пресс, 2019. Т. 1. 416 с. [Kuvaldin V. Zapadnotsentristskii miroporядok: vtoraya proverka na prochnost' [The West-Centric World Order: a Second Test of Strength]. *Strany i regiony v mirovoi politike. Uchebnik v 2-kh tomakh* [Countries and Regions in World Politics. Textbook in Two Volumes]. Pechatnov V.O., Strel'cov D.V., eds. Moscow, Aspekt Press, 2019. Vol. 1. 416 p.]
6. Berstein S., Milza P., eds. *Histoire du XXe siècle. En trois volumes*. Paris, Hatier, 1993. 1248 p.
7. Hobsbaum E. *The Age of Extremes*. New York, Vintage Books, 1996. 627 p.
8. Howard M.E., Louis W.R., eds. *The Oxford History of the Twentieth Century*. Oxford, Oxford University Press, 2000. 456 p.
9. Di Nolfo E. *Storia delle relazioni internazionali*. Bari, Laterza, 2009. 1503 p.
10. Печатнов В. *Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.* Москва, ТЕРРА — Книжный Клуб, 2006. 752 с. [Pechatnov V. *Stalin, Ruzvel't, Truman: SSSR i SShA v 1940-kh gg.* [Stalin, Roosevelt, Truman: the USSR and the USA in the 1940s]. Moscow, TERRA — Knizhnyi Klub, 2006. 752 p.]
11. Brown A. *The Human Factor*. Oxford, Oxford University Press, 2020. 512 p.
12. *Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития*. Москва, Альпина Паблишер, 2003. 592 с. [Facets of Globalization. Difficult issues of modern development. Moscow, Al'pina Publisher, 2003. 592 p. (In Russ.)]

13. Колодко Г. *Мир в движении*. Москва, Магистр, 2009. 578 с. [Kolodko G. *Mir v dvizhenii* [World in Motion]. Moscow, Magistr, 2009. 578 p.]
14. Никонов В.А. *Современный мир и его истоки*. Москва, Издательство Московского университета, 2015. 880 с. [Nikonov V.A. *Sovremenniy mir i ego istoki* [Modern World and its Origins]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2015. 880 p.]
15. Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*. Cambridge-Oxford, Polity, 2004. 515 p.
16. Scholte J.A. *Globalization: A Critical Introduction*. New York, Palgrave Macmillan, 2005. 520 p.
17. Ellwood W. *The No-Nonsense Guide to Globalization*. Oxford, New Internationalist, 2010. 144 p.
18. Мельянцев В.А. *Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран*. Москва, Ключ-С, 2015. 80 с. [Mel'yantsev V.A. *Dolgosrochnye tendentsii, kontrtendentsii i faktory ekonomicheskogo rosta razvitykh i razvivayushchikhsya stran* [Long-Term Trends, Counter-Trends and Economic Growth Factors of Developed and Developing Countries]. Moscow, Klyuch-S, 2015. 80 p.]
19. Dadusch U., Schaw W. *Juggernaut. How Emerging Markets Are Reshaping Globalization*. Washington, Carnegie Endowment, 2011. 274 p.
20. Кувалдин В. *Глобальный мир: политика, экономика, социальные отношения*. Москва, Весь Мир, 2017. 400 с. [Kuvaldin V. *Global'nyi mir: politika, ekonomika, sotsial'nye otnosheniya* [Global World: Politics, Economics, Social Relations]. Moscow, Ves' Mir, 2017, 400 p.]
21. Бхагвати Д. *В защиту глобализации*. Москва, Ладомир, 2005. 405 с. [Bhagwati J. *V zashchitu globalizatsii* [In Defense of Globalization]. Moscow, Ladomir, 2005. 405 p.]
22. Чумаков А.Н. *Глобальный мир: столкновение интересов*. Москва, Проспект, 2018. 512 с. [Chumakov A.N. *Global'nyi mir: stolknovenie interesov* [Global World: Clash of Interests]. Moscow, Prospekt, 2018. 512 p.]
23. Stiglitz J.E. *Making Globalization Work*. New York, W.W. Norton & Company, 2006. 374 p.
24. *Мир после коронавируса*. [The World After Coronavirus (In Russ.)] Available at: <https://expert.msu.ru/earth> (accessed 18.05.2020).
25. Громыко А. Коронавирус как фактор мировой политики. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, 2020, № 2 (14), сс. 4-12. [Gromyko A. Coronavirus kak faktor mirovoi politiki [Coronavirus as a Factor in World Politics]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN*, 2020, no. 2 (14), pp. 4-12.]
26. Схолте Я.А., Талберг Й., Верхаген С. *Отношение элит к глобальному управлению*. Москва, ИМЭМО РАН, 2019. 47 с. [Scholte J.A., Tallberg J., Verhaegen S. *Otnoshenie elit k global'nomu upravleniyu* [Elite Attitudes Toward Global Governance]. Moscow, IMEMO, 2019. 47 p.]

GLOBALIZATION AND NATION-STATE: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 5-13)

Received 26.05.2020.

Viktor B. KUALDIN (vkuvaldin@yandex.ru),

Lomonosov Moscow State University, 1, Building 61, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

The fairly common pandemic of the coronavirus has paralyzed the global world. The material damage it inflicted amounts to trillions of dollars. It is unclear how long it will take for humanity to overcome the consequences of the most serious socio-economic crisis after the World War II. The contours of the "new normal" after the pandemic are even vaguer. The "perfect storm" of the pandemic was created by a combination of three destructive forces: the coronavirus, the cyclical crisis of the economic conjuncture, and the nefarious trends of neoliberal globalization. The political practice of neoliberalism in recent decades, which has brought the world a number of significant achievements, has created a tangle of intractable contradictions in all areas of modern life. Both of its main drivers – capital accumulation on the basis of expanded reproduction and the global hegemony of the Anglo-Saxon elite – were called into question. Issues such as a more equitable distribution of the created wealth and expanding the membership of the elite club of global regulation are going to the forefront. At the same time, protecting the environment and preventing other cataclysms that threaten the well-being and even the very existence of mankind have become urgent imperatives of the political agenda. However, it seems that the world elite is not ready for a profound correction of the existing world order yet. The most likely scenario for the foreseeable future seems to be attempts, in one form or another, to return to the unconditional hegemony of the collective West under the aegis of the United States in world affairs. This portends a turbulent decade filled with conflicts of varying severity and duration. Although there is a fundamental possibility of another, much more positive scenario for the development of globalization processes. In it, the coordinated actions of national and global elites would focus on finding solutions to the most pressing problems of the world community, namely environmental protection, human rights upholding, the unhindered development of world trade, the prevention of pandemics, and the fight against terrorism.

Keywords: globalization, nation-state, protoglobalization, global world-1, global world-2, global power, global elite, deglobalization.

About author:

Viktor B. KUALDIN, Doctor of History, Professor, Head of Department, Moscow School of Economics.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-5-13